

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Ключ от Града
на холме

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием «Волшебный город».

Александрова, Наталья.

А46 Ключ от Града на холме : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-111908-9

По легенде, казачий атаман Степан Разин за годы бунтов и мятежей награбил немало разного добра. Самоцветные камни, золотые монеты, дорогое оружие, кровью добытые, были спрятаны им в схроне, но не простом, а заговоренном, на три головы христианские заколдованном. Тот, кто первым отыщет клад и снимет наговор, получит смерть лютую. Тот, кто вторым придет за кладом и разгадает слова секретные, умрет в страшных муках. И лишь третьему удалцу этот клад откроется...

В наши дни профессор-историк Глеб Николаевич Сперанский незадолго до смерти передал своей лучшей ученице Иветте Сычевой записную книжку потомка Степана Разина с зашифрованным текстом. Удастся ли Иветте раскрыть секрет несметного разинского богатства?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111908-9

© Н. Александрова, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Вета нажала кнопку звонка и долго ждала у знакомой двери, она знала, что Мефодьевна ходит теперь небыстро, и не хотела зря торопить старуху.

Однако через положенное время за дверь не возникло никакого движения. Вета позвонила еще раз и приложила ухо к двери, хотя и знала, что дело это бесполезное — старая, но очень крепкая дубовая дверь не пропускала никаких звуков. Предлагали Глебу Николаевичу поставить новую железную дверь, он только посмеивался — эту, говорит, машину дубовую нипочем не вскрыешь, только если топором рубить, так и то не всякий возьмет. И то верно, замки у него старые, чуть ли не довоенные, их простой отмычкой не откроешь.

Да что они там, уснули, что ли? Вета прекрасно знала, что они дома, говорила по телефону с Мефодьевной буквально час назад. Она стукнула в дверь ногой и еще раз позвонила. И вот наконец старушечий голос спросил не слишком приветливо:

— Кого еще принесло?

— Это я, Мефодьевна, Вета! — закричала Вета, старуха была туговата на ухо.

Загремели замки, недоверчиво лязгнул тяжелый крюк, дверь нехотя отворилась.

— Чего кричишь? — спросила высокая худая старуха с седым пучком волос на затылке. — Не глухая, и так слышу.

— Здравствуйте, Анна Мефодьевна! — сказала Вета. — Как поживаете? Здоровье ваше как?

Это у них был такой ритуал. Вета всегда при встрече здоровалась и расспрашивала старуху о здоровье, а та никогда не отвечала. Так и сейчас, Мефодьевна только глянула остро и поджала губы.

Вета протянула ей пакет с продуктами — немного яблок, шоколадные конфеты, острый сыр, который любит Глеб Николаевич, а Мефодьевна не покупает из вредности. Она вообще считала всевозможные деликатесы баловством и признавала только простую пищу.

Старуха привычно отмахнулась — ни к чему, мол, твое приношение, не нищие мы. Однако пакет взяла, и Вета прекрасно знала, что, если она не принесет ничего, Мефодьевна ее осудит.

У старухи был свой взгляд на вещи, взгляд устоявшийся и непримиримый. В дом нельзя приходить с пустыми руками, даже если пришел по делу.

Вета сняла туфли и прошла вперед по коридору.

— Тапки надень! — Старуха уже стояла перед ней, держа в руках огромные шлепанцы — покупала всегда больших размеров, чтобы всемгодились. — Руки вымой! — Снова старуха ловко забежала вперед и перехватила Вету перед дверью комнаты.

Ванная была просторная, все в этой квартире было большое — длинные коридоры, высокие по-

толки, широкие дверные проемы. Ванна была тоже огромная, как бассейн. Эмаль кое-где облупилась, но пол был чисто вымыт, и для рук висело крахмальное льняное полотенце удивительной белизны. Вета знала, что Мефодьевна не признает никаких новых порошков и кондиционеров, а по старинке кипятит белье на плите в огромном эмалированном баке.

— Как он сегодня? — спросила Вета, выходя из ванной.

— Чего спрашиваешь, сама сейчас увидишь... — Старуха пожала плечами и отвернулась, она не любила лишних слов.

— Кто там, Мефодьевна? — раздался старческий надтреснутый голос из комнаты. — Это Андрюша пришел?

— Это я, Глеб Николаевич. — Вета потянула на себя тяжелую дверь и вошла в комнату, в которой ее старый учитель профессор Сперанский проводил теперь все свое время.

Комната когда-то была кабинетом, профессор работал за этим огромным столом, крытым потертым зеленым сукном, в окружении высоких, под потолок, шкафов с книгами. Теперь стол был девственно чист, ни пылинки не было на нем, а раньше, Вета хорошо помнила, он был завален книгами и папками с рукописями, какими-то вырезками и выписками. Теперь же на столе стояли только старинная лампа с зеленым матовым стеклом на тяжелой бронзовой подставке да еще бронзовое же пресс-папье, украшенное фигурой кудрявого пухленького мальчика, играющего с такой же кудрявой собачкой. Ни бумажки, ни ручки, ни карандаша, ни резинки. Ни очков...

Сердце привычно кольнуло от жалости. Как весело и шумно бывало в этом кабинете раньше! Как приветливо светила зеленая лампа, как радостно прыгали блики света на бронзе, как призывно блестя за стеклом корешки старых книг!

Профессор всегда разрешал пользоваться своей библиотекой, только в одном был строг: не разрешал выносить книги за пределы квартиры.

— Вам только дай, — беззлобно посмеивался он, — разнесете по томику. Потом кто-то забудет вернуть, потом даст почитать другу-товарищу... Ищи-свищи!

Поэтому у него в доме вечно торчали ученики и знакомые, которым нужно было поработать с монографиями и научными трудами, кто-то даже ночевал в одной из комнат огромной квартиры, несмотря на недовольство Мефодьевны.

Анна Мефодьевна жила в доме профессора с очень давних времен, во всяком случае, Вета всегда встречала ее в этой квартире, а они с Глебом Николаевичем знакомы... дай бог памяти... почти двадцать лет. Как пришла она нескладной первокурсницей в этот дом, так тут и прижилась. Ходила вместе со всеми и потом забегала изредка. А сейчас вот так случилось, что из бывших учеников ходит только она одна.

Скучает старик от одиночества и от вынужденного безделья. Потому что он неотвратимо слепнет. Потому-то и нет на столе никаких бумаг, что не видит он ничего. И Вету тоже не видит. Сам говорил, что вместо человеческого лица у него только светлое пятно. По голосу, конечно, различает людей, да еще Мефодьевну по шагам узнает.

А голова работает, еще как работает. Память у старика прекрасная, как увлечется да начнет

рассказывать — заслушаешься! У него жизнь была интересная, со многими выдающимися учеными и писателями был близко знаком.

Потому-то Мефодьевна Вету и пускает к нему, что с Ветой старик о своем поговорит, от тяжелых дум отвлечется. А так все сидит в кресле да радио слушает. Только по радио-то ничего хорошего не скажут. Вета ему диски с музыкой приносит и аудиокниги.

Глеб Николаевич сидел в своем любимом кресле и поднял голову на звук ее голоса. Лицо его, в последнее время слегка растерянное и беспомощное, сейчас осветилось улыбкой.

— Веточка? Заходи, дорогая, рад тебя видеть!

И фыркнул насмешливо, сам уловив парадокс в собственных словах. Вета в который раз поразила несправедливости. Острый ум, отличная память, огромная эрудиция заперты в этом слабом теле. Подвело самое главное — глаза, от этого Глеб Николаевич слабеет. Хоть возраст приличный — за восемьдесят, профессор был бодр и начал сдавать лет пять назад, после смерти жены. Детей у них не было, от дел он отошел, тут-то и подступило одиночество.

Сейчас Вета заметила вдруг, что профессор очень изменился. Даже с того раза, когда она была на прошлой неделе. Он как-то сгорбился и усох, голова его поникла, щеки отвисли.

«Ой как плохо!» — мелькнуло в голове.

— Что, не нравлюсь? — усмехнулся Глеб Николаевич, и Вета вспомнила, что профессор всегда отлично умел читать мысли своих студентов и сотрудников.

— Да что вы, — проямлила Вета, — вы сегодня хорошо выглядите...

— Ой-ой-ой! — сказал он. — Вот только мне и заботы, чтобы хорошо выглядеть. Чай, не девица красная! Ладно, Веточка моя сосновая, слушай, что скажу. Это важно.

Он вдруг вздохнул глубоко, с хрипом, и закашлялся. Вета вскочила, заметалась по комнате, тут вошла Мефодьевна и подала профессору прямо пахнувший отвар в большой кружке. Он отхлебнул большой глоток, потом еще один, посидел немного, прислушиваясь к себе, и затих. Мефодьевна приняла из его слабых рук чашку, строго взглянула на Вету и удалилась, не сказав ни слова.

— Сядь, — сказал Глеб Николаевич после некоторого молчания, — сядь вот тут, чтобы я тебя слышал. А сама молчи. Значит, пришло мне время умирать...

— Да что вы! — Вета снова вскочила, но была остановлена строгим окриком и села.

— Не перебивай уж, — буркнул профессор, — и так сил совсем немного осталось, приходится их беречь. Вынужден сообщить вам, Иветта Вячеславовна, что, приводя свои дела в порядок, решил я вам кое-что оставить на память, а именно...

— Да мне ничего не нужно... — вклинулась Вета.

— Не мешай! — былым лекторским голосом прорычал профессор. — Дай договорить! Ты мое положение знаешь, кроме племянника, некому оставлять. Это все... — профессор слабо махнул рукой, — ему и отойдет: квартира, мебель, еще кой-какое имущество. Андрюша — мальчик хороший, мы с женой его любили... опять же родственник, а родная кровь — это дело серьезное. Квартира по праву его. Ну, из мебели есть кое-что ценное, так что все не выбросят. А вот книги... Понимаешь,

Андрей, конечно, мне родня, но вот женат он на такой... Впрочем, не мое это дело — жен чужих осуждать. Последнее дело. В общем, одно я знаю точно, как только его мадам сюда въедет — все книги на помойку вынесет тут же. Особо старинных да антикварных книг у меня немного, так она их продаст, да еще по дешевке, обманут ведь дуру жадную, вокруг пальца обведут. Жалко мне библиотеку, вот ничего не жалко, а книги жалко. А ты...

«А мне-то куда их девать?» — в панике подумала Вета.

— Знаю, что не можешь ты все домой взять, — тут же откликнулся на ее невысказанные мысли профессор, — так хоть пристрой их куда-нибудь. У меня монографии есть редкие, с дарственными надписями, их библиотеки возьмут.

Профессор много лет читал в университете курс русской истории, и книги у него были замечательные, по ним училось несколько поколений студентов.

Вета подумала, что она взваливает на себя непосильную задачу — пристроить в хорошие руки без малого пять тысяч книг. Это работа на год, а то и больше, и, учитывая, что у нее нет машины, работа вообще становится невыполнимой. Но отказаться нельзя, это же предсмертная просьба, она никогда потом себе этого не простит.

— Я согласна. — Она постаралась, чтобы голос звучал по возможности твердо.

— А я и не сомневался, — улыбнулся профессор, — не зря мы с тобой столько лет знакомы. Ты, Веточка, возьми еще бумаги мои, там тебе для работы кое-что пригодится. Хотел сам книгу писать, да вот не успел... Хоть статья выйдет...

Вета резко отвернулась, закусив губу, хотя знала, что профессор все равно не увидит выражения ее лица. Надо же — «для работы»! Знал бы он, чем она сейчас занимается.

— В общем, знал я, что ты не подведешь! — говорил Глеб Николаевич. — Завещание заранее составил. Погляди там, в верхнем ящике стола, в черной папке.

Завещание лежало там — все честь по чести, заверенное нотариусом, с печатью и подписью.

Я, Сперанский Глеб Николаевич, — прочла Вета, — завещаю свое недвижимое имущество... квартиру со всем содержимым, кроме книг и рукописей... а также гараж по адресу... а также дачу в поселке Горьковское... а также свой вклад в Сбербанке Недотепову Андрею Васильевичу... Книги и рукописи, а также все бумаги завещаю Сычевой Иветте Вячеславовне.

— Вот так вот, — сказал профессор, — а сейчас самое главное на словах скажу. Я, Веточка, на старости лет такое узнал... Эх, если бы глаза не подвели! Так что...

Профессор вдруг вздохнул хрипло, взмахнул руками и закашлялся еще сильнее, чем в прошлый раз. Вета метнулась в коридор и столкнулась с Мефодьевной. Та стояла наготове с кружкой, от которой шел горячий пряный пар.

Профессор долго пил отвар и все никак не мог успокоиться. Вета вышла в коридор, повинувшись знаку Мефодьевны.

— Ты туда не ходи, — сказала старуха, выйдя наконец из кабинета. — Заснул он прямо в кресле. Слабый совсем стал.

— Давно у него кашель этот? — спросила Вета полушепотом.

— Да уж с месяц, — тяжело вздохнула старуха, — нехороший такой кашель, уж я знаю...

— А врач что говорит?

— Да что врач... не хочет он врача вызывать... говорит, все равно конец скоро, — еще тяжелее вздохнула Мефодьевна. — Да и то сказать, разве врач от смерти поможет?

Вета невольно вздрогнула — до того буднично и просто прозвучали слова старухи.

— Чаю со мной выпей! — сказала Мефодьевна строго, и Вета не посмела отказаться, хотя давно надо было ей быть дома.

К чаю подавала Мефодьевна простые лепешки, а также мед и крыжовенное варенье. Варенье было из крупных ягод удивительного изумрудного цвета.

— Ну, — спросила старуха, выслушав без улыбки Ветино восхищение по поводу вкуса варенья, — послушала его волю? Возьмешь книги?

— А куда мне деваться? — беспомощно моргнула Вета. — Возьму...

— Не тревожься, добрые люди помогут, — сказала старуха, — а только прав он, эта племянникова жена точно все на помойку выбросит. Сам-то Андрей вроде бы и ничего человек, да только полностью у нее под каблуком. А уж эта-то...

Тут старуха замолчала, сообразив, что негоже ругать хозяев за спиной.

— А отчего же профессор вас в завещании не упомянул? — отважилась Вета на вопрос после продолжительного молчания. — Вы столько лет их семье верой и правдой служили...

— Обо мне не беспокойся! — оборвала ее старуха. — Меня в этой семье никогда не обижали.

И сейчас не обидели. Был у нас с ним разговор еще давно, когда жена его умерла. Хотел он меня сюда, в эту квартиру, прописать, чтобы потом площадь мне отошла. Я отказалась — виданное ли дело, говорю, в жизни хозяйского добра не брала, а тут — целую квартиру мне! Пускай все будет честь по чести, что родным положено, то и останется. А мне много ли надо? Слава тебе господи, такие деньги платили в этом доме! Жила на всем готовом, на черный день кое-что отложила — до смерти хватит!

— А он что ответил, Глеб-то Николаевич? — полюбопытствовала Вета.

— А он... — Мефодьевна помедлила, чтобы подчеркнуть важность момента, — а он встал тогда, руку мою взял и поцеловал. А потом говорит: Анна, что же ты меня за скотину неблагодарную считаешь, что ли? Я, говорит, все, что ценного в доме, продам, все деньги с книжки сниму и тебе комнату куплю. Пресвятая Богородица, говорю, ни к чему мне комната эта! Если вас переживу, то уеду к сестре в деревню, там мне и место приготовлено на погосте рядом с родителями. А если я раньше уйду, то сам меня и похоронишь как положено. На том и порешили и больше к тому разговору не возвращались. Только прихожу раз в сберкассу, а там мне и говорят, что на ваше имя большущие деньги поступили, кто-то перевел со своего счета. Ну кто? Ясное дело, он, Глеб Николаич. Как хотел, так и распорядился, а в завещание меня не включил, чтобы с родственниками не собачиться.

Настал черед Веты тяжело вздыхать — ей-то придется иметь дело с племянником и его жадной женошкой. Хотя, может, книги ее не заинтересуют?

— Ты непременно заходи на днях, — на прощанье сказала Мефодьевна, — он тебе важное ска-

зять не успел... Что-то там по твоему делу, история эта самая...

— Зайду, — сказала Вета уже с лестницы, — на той неделе зайду, после выходных...

Разумеется, она опоздала к семи часам, как было заведено в их семье. Это свекровь поставила такое условие: чтобы все непременно возвращались к строго определенному времени.

«Вы должны так организовать свой день, чтобы к семи непременно быть дома к общему ужину! — говорила она. — Это совсем нетрудно, надо только соблюдать некоторые простые правила, и тогда процесс пойдет как по маслу».

Слово «процесс» был самым употребляемым в ее речи. Уж в процессах-то она понимала, поскольку всю жизнь проработала технологом на пивном заводе имени Степана Разина.

«Я знаю производство изнутри! — говорила она. — Я на заводе прошла путь от простой заливщицы до главного технолога. И я твердо могу сказать: вся наша жизнь — это технологический процесс. И если относиться к ней правильно, как к процессу, то она будет протекать без сбоев и неприятных сюрпризов».

Голос у свекрови был громкий и звучный, слово «процесс» она произносила со вкусом, одновременно делая ударения на первом и на втором слоге и растягивая последнее «э». Она вообще очень любила букву «э», говорила не «музей» и «пионер», как все нормальные люди, а «музэй», «пионэр», «милиционэр».

Вета могла бы прочитать свекрови целую лекцию о том, почему она так говорит. Это явление в среде ученых-филологов называется «гиперурбанизм»,